

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>

О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого

Даниил Александрович Шайденко, адъюнкт

Омская академия МВД России

Омск (644092, пр. Комарова, д. 7), Российская Федерация

daniil-shaydenko@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1622-0269>

Аннотация:

Введение. Заложённая в УПК РФ на основе Конституции РФ идея, согласно которой срок уголовно-процессуального задержания должен исчисляться с момента фактического ограничения свободы передвижения, на практике не реализуется. Поскольку существует противоречие между законом и его применением, через анализ практики предполагается найти путь решения данной проблемы.

Методы. В работе использовались следующие методы: формально-юридический, анализ, индукция, обобщение.

Результаты. Действующее правовое регулирование, наука и практика допускают как минимум три варианта толкования момента фактического задержания и начала исчисления срока задержания подозреваемого: момент фактического захвата, момент доставления к следователю (в орган дознания), момент составления протокола задержания. Последние два являются самыми распространёнными на практике, но они не согласуются с действительным замыслом законодателя об исчислении срока задержания с момента фактического ограничения свободы. Вместе с тем связывание начала срока задержания с моментом доставления или составления протокола отвечает потребностям практики ввиду объективной недостаточности 48-часового срока, если исчислять его согласно заложенной в закон идее, т. е. с момента фактического захвата. Обобщив результаты анализа судебной практики, автор делает вывод, что способ учесть время фактического ограничения свободы и одновременно не отнимать у органов расследования и без того малый, но очень важный 48-часовой срок задержания – это зачет времени фактического задержания в общий срок содержания под стражей при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу либо при рассмотрении дела по существу.

Ключевые слова:

неприкосновенность личности, задержание, фактическое задержание, срок задержания, доставление, момент задержания

Для цитирования:

Шайденко Д. А. О способе преодоления противоречий, связанных с исчислением срока задержания подозреваемого // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 194–201. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.12.2024;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

The way to overcome contradictions concerning the calculation of the suspect's detention period

Daniil A. Shaidenko, Postgraduate

Omsk Academy of the MIA of Russia

7, Komarova str., Omsk, 644092, Russian Federation

daniil-shaydenko@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1622-0269>,

Abstract:

Introduction. The idea laid down in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the basis of the Constitution of the Russian Federation, according to which the period of criminal procedural detention should be calculated from the moment of actual restriction of freedom of movement, is not implemented in practice. Since there is a contradiction between the law and its application, it is supposed that the way to solve given problem will be found through the analysis of practice.

Keywords:

personal integrity, detention, actual detention, term of detention, delivery, moment of detention

© Шайденко Д. А., 2025

Methods. The following methods were employed in the work: formal-legal, methods of analysis, induction and generalisation.

Results. The current legal regulation, science and practice allow for at least three options to interpret the moment of actual detention and the beginning of calculating the period of the suspect's detention: the moment of actual capture, the moment of delivery to the investigator (to the body of inquiry) and the moment of drawing up the detention protocol. The last two are the most common in practice, but they do not coincide with the actual intention of the legislator to calculate the period of detention from the moment of actual restriction of freedom. At the same time, linking the beginning of the period of detention to the moment of delivery or the drawing up of the protocol meets the needs of practice due to the objective insufficiency of the 48-hour period, if calculated according to the idea laid down in the law, i.e. from the moment of actual capture. Summarising the results of the analysis of judicial practice, the author concludes that the way to take into account the time of actual restriction of freedom and at the same time not to take away from the investigating authorities the small but very important 48-hour period of detention is to include the time of actual detention in the total period of detention when considering a petition for detention or when considering the case essentially.

For citation:

Shaïdenko D. A. The way to overcome contradictions concerning the calculation of the suspect's detention period // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 194–201. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-194-201>.

The article was submitted August 1, 2024; approved after reviewing December 27, 2024; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

В статье 22 Конституции Российской Федерации¹ срок досудебного лишения свободы ограничен 48 часами. Открытыми для дискуссий остаются вопросы о причинах указания именно такого срока, и в целом о необходимости регулирования данных отношений именно в Конституции. Сейчас – это данность, с которой нужно считаться, тем более эта норма содержится в не подлежащей изменению второй главе. Между тем разработчикам Конституции этот шаг показался прогрессивным: срок задержания теперь указан в Основном законе и составляет 48 часов по сравнению с 72-часовым сроком, который был допустим в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР². Сделано это, как представляется, с целью проявления большего внимания к обеспечению и защите прав граждан. Законодатель, развивая идею сокращения срока внесудебного лишения свободы, установил в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации³ (далее – УПК РФ) правило, согласно которому срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения.

Реализуется ли эта идея на практике? Анализ 97 протоколов задержания, составленных следователями и дознавателями Республики Бурятия, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Тюменской областей показал, что в среднем разница между временем задержания и временем составления протокола составляет от 5 до 15 минут, в отдельных протоколах этой разницы вовсе нет, указано одно и то же время. Очевидно, что ни о каком учете времени с момента фактического ограничения свободы здесь речи не идет. Срок задержания исчисляется с момента доставления к следователю, а иногда даже с момента составления протокола.

Исследование, проведенное Г. Б. Петровой, показало, что в 95 % изученных уголовных дел дата и время составления протокола совпадали с точностью до минуты с датой и временем фактического задержания лица [1, с. 140]. Свою актуальность эти данные на настоящий момент не утратили. Не секрет, что если органы расследования поступают тем или иным образом, это означает, что подобная практика поддерживается (во всяком случае, не отрицается) прокуратурой и судом. В данной статье нас будут интересовать позиции судов по отношению к исчислению срока задержания лица по подозрению в совершении преступления. Через анализ судебных решений, принятых по результатам рассмотрения апелляционных жалоб, оспаривающих избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, продление срока содержания под стражей, а также решения, принятые по результатам рассмотрения исков о взыскании морального вреда, предполагается выявить путь разрешения существующих противоречий между законом и правоприменительной практикой.

¹ Конституция Российской Федерации (прин. всенар. голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (Pravo.gov). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202007040001> (дата обращения: 20.05.2024).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Методы

В исследовании использовались: формально-юридический метод при исследовании норм УПК РФ, касающихся исчисления срока задержания; анализ решений судов с целью выявления их позиций по отношению к моменту начала исчисления срока задержания; методы индукции и обобщения результатов, полученных путем анализа судебной практики для вывода общего правила на основе конкретных случаев.

Результаты

Жалобы стороны защиты по поводу задержания, как правило, связаны с несоответствием времени фактического задержания времени, указанному в протоколе задержания. В целом суды при рассмотрении ходатайств о заключении под стражу, в т. ч. при продлении срока задержания, ориентируются на время задержания, указанное в протоколе. Существуют решения, в которых начало исчисления срока задержания прямо связывается с доставлением к следователю⁴: «В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Оснований для исчисления указанного срока с момента фактического задержания ФИО, т. е. с 21 часа 20 июня 2023 г., не имеется, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом срок составления протокола задержания связан со сроком доставления подозреваемого к следователю»⁵.

«Вопреки доводам стороны защиты, срок задержания подозреваемого в соответствии с положениями ст. 92 УПК РФ исчисляется с момента его доставления в орган дознания или к следователю, которыми составляется протокол о задержании...

Доводы защиты о том, что ФИО фактически задержан ранее срока, указанного в протоколе его задержания, подлежат проверке и доказыванию в ходе рассмотрения уголовного дела по существу и могут быть учтены в случае их доказанности при принятии судом окончательного решения по делу»⁶.

Последний абзац принципиально важен для рассматриваемой в статье проблемы. Такая формулировка является в какой-то степени типовой и часто используется судами⁷. Время фактического ограничения свободы, которое имело место до доставления к следователю, если оно будет установлено при рассмотрении дела по существу, включается в срок содержания под стражей или наказания. Есть и примеры, когда срок «допроцессуального» задержания учитывается при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, Ленинский районный суд г. Омска в своем постановлении, вынесенном в апреле 2024 года, в последнем абзаце описательно-мотивировочной части отметил: «Суд полагает возможным избрать ФИО меру пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца с учетом даты его фактического задержания, так как из представленных материалов следует, что ФИО был лишен возможности свободно передвигаться уже 23 апреля 2024 г., несмотря на то, что протокол задержания составлен 24 апреля 2024 г.»⁸.

⁴ Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22К-5932/2023 от 26 октября 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ (далее – СудАкт): [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WdJhMPm4Y8xj/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22К-949/2023 от 6 июля 2023 г. по делу № 3/1-17/2023 // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W5L2tsmBG2UJ/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22К-1655/2019 от 10 июля 2019 г. по делу № 22К-1655/2019 // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IEwvfQEIMFmX/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-26446/2023 от 21 декабря 2023 г. // Информационная компания «Кодекс»: Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (далее – ИК «Кодекс»): [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304539207> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-16154/2023 от 1 августа 2023 г. // ИК «Кодекс»: [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1302663766> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Крым № 22К-423/2021 от 3 февраля 2021 г. // ИК «Кодекс»: [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573644619> (дата обращения: 20.05.2024); Апелляционное постановление Брянского областного суда № 22К-1822/2020 от 20 ноября 2020 г. // ИК «Кодекс»: [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/573430153> (дата обращения: 20.05.2024).

⁸ Уголовное дело № 1-498/2024 // Архив Ленинского районного суда г. Омска. 2024.

Однако распространена и практика, когда суды при рассмотрении апелляционных жалоб исчисляют лишение свободы с момента фактического задержания (момента ограничения свободы передвижения). Так, «согласно представленным материалам ФИО, как и указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, фактически был задержан 16 сентября 2019 г. около 15 часов 10 минут, после чего с 16 часов 30 минут до 17 часов был произведен его личный досмотр, а затем другие следственные действия с его участием, и только 17 сентября 2019 г., в 4 часа 15 минут был составлен протокол его задержания, согласно которому в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ в 3 часа 44 минуты ФИО был задержан. Никаких данных, свидетельствующих об освобождении ФИО после 23 часа 16 сентября 2019 г. до момента составления протокола задержания, когда он мог свободно передвигаться, не имеется. ... Согласно ст. 5 и ч. 3 ст. 128 УПК РФ задержание подозреваемого применяется на срок не более 48 часов с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления и исчисляется срок с данного момента. ... При таких обстоятельствах срок содержания под стражей ФИО должен исчисляться с момента его фактического задержания, а не с момента составления протокола задержания, и продлен на 29 суток, то есть по 15 декабря 2019 г., включительно»⁹. Суды, как и в этом примере, изменяют срок содержания под стражей, если устанавливают, что фактическое задержание имело место ранее составления протокола в порядке ст. 92 УПК РФ¹⁰.

Встречается и третий подход к исчислению срока задержания: «Утверждения защитника о том, что ФИО фактически был задержан (дата удалена), и ему неправильно исчислен срок задержания, являются несостоятельными, поскольку в процессуальном смысле моментом фактического задержания считается момент составления протокола о задержании»¹¹. Таким образом, в судебной практике существует три подхода к началу исчисления срока задержания.

Важным является вопрос, касающийся истечения срока задержания до начала или во время рассмотрения ходатайства о заключении под стражу. Так, «ФИО фактически был задержан в 11 часов 55 минут, протокол задержания составлен в 17 часов 55 минут 22 мая 2023 г. Указывает о том, что на момент рассмотрения ходатайства следователя ФИО не являлся задержанным, так как установленный законом срок задержания ФИО по подозрению в совершении преступления истек в 11 часов 30 минут, после чего он должен был быть освобожден из-под стражи, а на момент оглашения постановления суда и срок указанный в протоколе о задержании также истек. ... Вопреки доводам жалобы, как видно из протокола судебного заседания, к началу судебного разбирательства по ходатайству следователя, а именно в 16 часов 47 минут, срок задержания обвиняемого в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, не истек»¹². В данном случае срок задержания истек в ходе судебного заседания. Однако суд указывает, что значение имеет время начала судебного разбирательства, а не время оглашения постановления. Об этом свидетельствуют и другие решения: «Истечение срока задержания, предусмотренного ч. 2 ст. 94 УПК РФ, к моменту принятия судьей решения в порядке ст. 108 УПК РФ, не является препятствием для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу»¹³. Кроме того, обстоятельство, когда лицо фактически задержано ранее срока, указанного в протоколе задержания, не влияет на законность и обоснованность принимаемого судом решения¹⁴. Не влечет безусловного освобождения обвиняемого и «запоздалое» обращение в суд: «Несвоевременное представление дознавателем в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемому не освобождало суд от обязанности рассмотреть данное ходатайство»¹⁵. Необходимо помнить о положениях ч. 3 ст. 108 УПК РФ, согласно которым постановление о возбуждении ходатайства о заключении под стражу и материалы, его обосновывающие, должны быть представлены в суд за 8 часов до истечения срока задержания, что как бы подразумевает принятие решения об избрании меры пресечения в пределах срока задержания. Также на это указывает ч. 2 ст. 92

⁹ Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа № 22К-2071/2019 от 29 ноября 2019 г. по делу № 3/2-189/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IKxsT9VsygHH/> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁰ Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28 декабря 2021 г. по делу № 22к-854/2021 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727885651> (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-23100/2023 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304411690> дата обращения: 04.11.2024).

¹² Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июня 2023 г. по делу № 10-13149/2023 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301964301> (дата обращения: 07.06.2024).

¹³ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 9 декабря 2021 г. по делу № 22К-4397/2021 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/727745582> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 ноября 2022 г. по делу № 10-24423/2022 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300328320> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁵ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 июня 2017 г. по делу № 10-9848/2017 // ИК «Кодекс» : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542068431> (дата обращения: 07.06.2024).

УПК РФ, согласно которой подозреваемый немедленно освобождается, если в течение 48 часов не поступит постановление судьи о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако вышеприведенные решения демонстрируют, что это происходит не всегда. Из указанных примеров следует, что главное для судов – начать судебное заседание до истечения 48-часового срока задержания.

Интерес представляют решения, принимаемые судами по результатам рассмотрения исков о взыскании моральной компенсации в связи с задержанием. Так, решением Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021 были частично удовлетворены исковые требования истца и взыскана компенсация морального вреда в размере 5 000 рублей. В данном случае также имело место несоответствие времени фактического задержания сведениям, указанным в протоколе задержания по ст. 92 УПК РФ. Кроме того, протокол был составлен по истечении трех часов с момента доставления к следователю. Лицо было доставлено в отдел полиции в 18 часов, провело там всю ночь, и только в 5 часов 30 минут следующего дня было помещено в изолятор временного содержания органов внутренних дел (далее – ИВС). Но причина удовлетворения исковых требований обосновывается не тем, что задержание было незаконным, а непредоставлением возможности в ночное время места для отдыха, непредоставлением места для сна и постельных принадлежностей, нарушением права истца на обращение, уважающее человеческое достоинство. Также необходимо обратить внимание, что как в этом, так и в подобных решениях, принимаемых в порядке гражданского судопроизводства, суды ссылаются на положения Федерального закона «О полиции»¹⁶: «согласно ч. 4 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Исходя из материалов дела, истец ФИО ограничен в передвижении с момента его доставления в помещение ОП № 1 МУ МВД России «Орское» 23 февраля 2016 г. в 20 часов 10 минут, а согласно рапорту сотрудника полиции – с 18 часов 23 февраля 2016 г.»¹⁷. Для постановлений по результатам рассмотрения апелляционных жалоб это не характерно, такие решения, как правило, ограничиваются ссылками на УПК РФ.

Требования о взыскании моральной компенсации удовлетворяются из-за неприемлемых условий содержания. Обращается внимание не на сам факт несвоевременного составления протокола задержания, а на нахождение лица в связи с подозрением в совершении преступления продолжительное время вне ИВС, т. е. при отсутствии надлежащих условий содержания под стражей. Исковые требования, связанные лишь с нарушением порядка задержания, не удовлетворяются, когда судом установлено, что время фактического задержания засчитано в срок отбывания наказания¹⁸. Так, «суд принимает во внимание, что виновность ФИО по подозрению в преступлении, по которому он был фактически задержан 7 апреля 2014 года, подтверждена вступившим в законную силу приговором Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 5 февраля 2016 г., срок фактического задержания с 7 апреля 2014 г. года засчитан в срок отбывания наказания»¹⁹.

Обсуждение

Судебная практика не единообразна, можно выделить три подхода к началу исчисления срока задержания: с момента фактического задержания, с момента доставления к следователю и с момента составления протокола. В качестве одной из причин можно выделить саму законодательную конструкцию задержания. Законодатель, формулируя понятие момента фактического задержания, допустил возможность неоднозначного толкования данной нормы. Фраза «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом (курсив автора), фактического лишения свободы передвижения» (п. 15 ст. 5 УПК РФ) позволила ряду ученых небезосновательно трактовать эти положения как момент составления протокола задержания [2; 3]. Такой подход, как было указано ранее, встречается и на практике. Соглашаясь, что данные позиции

¹⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2011. № 7. Ст. 900.

¹⁷ Решение Ленинского районного суда г. Орска от 23 июля 2021 г. по делу № 2-797/2021 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/16sJVY9na15N/> (дата обращения: 08.06.2024).

¹⁸ Решение Кировского районного суда г. Омска от 29 ноября 2019 г. по делу № 2-4929/2019 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xuSwoZXtDeVn/> (дата обращения: 08.06.2024) ; Решение Фроловского городского суда (Волгоградская область) от 6 августа 2019 г. по делу № 2-732/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/24Hi4hq6U16j/> (дата обращения: 08.06.2024).

¹⁹ Решение Октябрьского районного суда г. Самары от 23 января 2020 г. по делу № 2-187/2020 // СудАкт : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SsdJfTQQq8Zd/> (дата обращения: 08.06.2024).

соответствуют букве закона, тем не менее, отметим, что здесь предполагалась необходимость учета времени именно с момента фактического ограничения свободы (фактического захвата). Об этом свидетельствуют позиции Конституционного Суда Российской Федерации²⁰, международные стандарты, на которых они основаны, а также указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации²¹. Многие авторы придерживаются аналогичной позиции [4–7]. Стоит отметить, что в некоторых регионах срок задержания исчисляется как задумано, с момента фактического ограничения свободы, поэтому исследуемая проблема не является всеобщей. Тем не менее противоречия существуют и нуждаются в разрешении.

Можно согласиться с А. В. Победкиным и В. Н. Яшиным, что «буквальное толкование указанных норм УПК дает основание полагать, что моментом фактического задержания является момент доставления (первое упоминание в УПК о порядке действий с лицом, лишенным свободы передвижения). Именно так на практике длительное время и толковали момент фактического задержания, что явно не соответствовало действительному замыслу законодателя» [8, с. 19]. Однако, как видно из анализа судебной практики, толковать норму подобным образом не перестали. Вместе с тем позиция, согласно которой срок задержания исчисляется с момента доставления, является достаточно распространенной и убедительно аргументированной в доктрине [9–12]. Хотя этот вариант и теоретически обоснован, он не отражает заложенной законодателем идеи учета времени фактического ограничения свободы передвижения. Кроме того, специфика работы подразделений органов внутренних дел, например, на железнодорожном транспорте, обуславливает неоднозначность момента доставления к следователю. Далее приведем пример, который стал известен автору в ходе личного общения со следователями одного из линейных подразделений МВД России. Представим ситуацию, когда от пассажиров поезда поступило сообщение о преступлении. Следователь с оперативниками вошли в состав для осуществления деятельности следственно-оперативной группы. Однако когда было обнаружено лицо, заподозренное в совершении преступления, поезд согласно расписанию уже начал движение. Теперь до момента прибытия в необходимое подразделение пройдет достаточно много времени. Закономерен вопрос: считается ли лицо доставленным к следователю, если они вместе следуют на поезде в другой город? Думается, что нет, т. к. ставится под сомнение возможность полноценного осуществления следователем процессуальной деятельности. Выходит, что момент доставления не всегда возможно корректно отследить и установить, чего нельзя сказать о времени составления протокола.

Новый срок задержания и момент начала его исчисления «не прижились» на практике. Во-первых, он не имеет под собой исторического фундамента, возник в Конституции Российской Федерации без явных предпосылок²². Соответственно, 48-часовой срок не воспринимается правосознанием большинства правоприменителей. Можно предположить, что практика продолжила апробированную, доказавшую свою эффективность советскую традицию исчисления срока задержания с момента доставления²³, тем более что действующий закон формально не исключает подобной трактовки. Во-вторых, данный срок объективно не соответствует географическим условиям России, где на доставление может уйти значительная часть 48-часового срока с момента фактического ограничения свободы. Кроме того, даже не учитывая время доставления, за 48 часов следователю или дознавателю нужно произвести необходимые следственные и иные процессуальные действия в целях обоснования ходатайства

²⁰ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=241171#zSK93aU2FQr1ZqTD2> (дата обращения: 08.06.2024). Документ опубликован не был ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алексеевой Гелены Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5, статьями 91 и 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 1902-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=302223#OccA3aUeFQWVf6lC> (дата обращения: 08.06.2024). Документ опубликован не был.

²¹ В целях выявления и пресечения нарушений прав граждан устанавливать соответствие указанного в протоколе времени задержания с фактическим, изучая необходимые материалы, в т. ч. рапорты сотрудников правоохранительных органов, производивших задержание (См.: Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 9 ноября 2011 г. № 392/49 (ред. от 22.02.2023) // Законность. 2012. № 2.

²² Вопрос о непригодности для практики 48-часового срока задержания и о причинах установления именно такого срока поднимает С. Б. Россинский.

²³ Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.

о заключении под стражу. С учетом 8-часового временного запаса для суда в распоряжении следователя остается 40 часов, а если исчислять срок задержания согласно замыслу закона, с момента фактического ограничения свободы, то и того меньше. А когда подозреваемый не один, то вообще ставится под сомнение физическая возможность успеть произвести все необходимые действия. Собственно, эта норма и не реализуется в первоначальной задумке. Из-за неоднозначности положений п. 15 ст. 5 УПК РФ сторона защиты толкует эту норму в свою пользу, указывая на момент фактического ограничения свободы передвижения. Такая позиция, надо сказать, небезосновательна в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации. Органы расследования, напротив, с учетом непригодности 48-часового срока для потребностей практики, связывают начало исчисления срока задержания с моментом доставления к следователю.

Такая ситуация кажется безвыходной, так как 48-часовой срок задержания установлен в главе 2 Конституции Российской Федерации. Очень важный вывод в этой части делает С. Б. Россинский, говоря, что «гораздо разумнее сосредоточиться на поисках более прагматичных путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения ряда коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство» [13, с. 104]. В подобном направлении мыслит и В. Н. Григорьев: «Выстраивая логику эволюции института задержания подозреваемого, можно предполагать, что дальнейшее его развитие пойдет по пути выработки нормативного механизма обхода конституционного ограничения срока содержания лица под стражей без судебного решения» [14, с. 1413].

Парадоксальна ситуация, когда одновременно в судебной практике существуют три подхода к исчислению срока задержания. Как представляется, разночтения в понимании норм, связанных с ограничением конституционных прав, недопустимы. Трудно судить о причинах подобного отношения к исчислению срока задержания. Непонимание, правовой нигилизм или намеренное толкование нормы стороной обвинения в свою пользу? Так или иначе, суды всегда исходят из конкретной ситуации, но выделяют главное – зачет времени фактического ограничения свободы в срок наказания. Думается, это оптимальный способ достижения баланса частных и публичных интересов в данных отношениях.

Учет времени фактического задержания при заключении под стражу или назначении наказания – тот путь выхода из сложившейся ситуации, который предлагает практика. Как представляется, доктрина и правовое регулирование должны развиваться именно в данном направлении. В науке между тем подобные предложения уже прозвучали. Так, И. В. Соболев предлагает исчислять срок задержания с момента составления протокола, а «в последующем суд, избирая меру пресечения в виде заключения под стражу, должен включить в срок задержания и срок фактического лишения свободы передвижения (фактического задержания)» [15, с. 81–82]. Б. Б. Булатов и В. В. Кальницкий говорят о необходимости «включения обстоятельств фактического ограничения свободы лица (начало, окончание, продолжительность, возможность причинения вреда здоровью и др.) в предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, что обеспечит полное их исследование средствами уголовно-процессуального доказывания и учет при назначении наказания или реабилитации» [16, с. 10; 17, с. 155]. Оба предложения вполне могут рассматриваться как варианты разрешения существующих противоречий. Также авторы делают фундаментальный вывод о том, что «в пересмотре нуждается отношение к 48-часовому сроку задержания: это не элемент репрессии, который следует минимизировать за счет вычета из него времени фактического ограничения свободы передвижения лица, а общественно полезный обеспечительный этап законного и обоснованного судебного разрешения ходатайства о заключении лица под стражу» [16, с. 11]. Как показывает практика, срок задержания исчисляют с момента доставления к следователю, а тот факт, что до этого момента имело место фактическое задержание, не является препятствием к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или продлению срока задержания. Поэтому целесообразно «оставить» органам расследования конституционные 48 часов, а время, затраченное сотрудниками полиции на захват и доставление (иные действия и мероприятия), подлежит зачету в срок отбытия наказания. Разумеется, данные размышления не касаются ситуации, когда задержание производится по поручению следователя, дознавателя: в таком случае срок задержания должен исчисляться с момента ограничения свободы передвижения.

3 заключение

Исчисление срока задержания с момента доставления к следователю либо с момента составления протокола, как это сейчас принято на практике, а также позиции ученых, легитимизирующие такое правоприменение, указывая на буквальное толкование положений п. 15 ст. 5 и ст. 92 УПК РФ – варианты действия «здесь и сейчас», окончательным решением проблемы их назвать трудно. Необходим радикальный шаг, влекущий изменение подхода к сроку досудебного лишения лица свободы. Чтобы не отнимать и без того малый 48-часовой срок

у органов расследования, время так называемого фактического задержания нужно засчитывать в срок содержания под стражей при избрании меры пресечения либо учитывать при назначении наказания (причем данные варианты не являются взаимоисключающими).

Между тем лица, привлекаемые к уголовной ответственности, вынуждены добиваться зачета вышеуказанного времени в срок наказания путем подачи апелляционных жалоб либо доказывать обстоятельства фактического «доследственного» ограничения свободы в судебном заседании при рассмотрении дела по существу. В связи с этим необходимо закрепить в законе механизм учета времени фактического ограничения свободы передвижения, которое имело место до процессуального задержания. Как представляется, данные обстоятельства могут и должны быть установлены в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу либо при рассмотрении дела по существу и зачтены в общий срок содержания под стражей. Разумеется, время и обстоятельства фактического задержания должны быть учтены и при реабилитации. В то же время представляется необходимым, чтобы в закон были внесены изменения, предусматривающие однозначную формулировку момента начала исчисления срока задержания. Предпочтительным в этой части можно считать момент составления протокола задержания. Сложившаяся практика, как и конституционный 48-часовой срок задержания – реальность, с которой нужно считаться и реализовать ее в законе. Таким путем можно обеспечить право граждан на свободу и личную неприкосновенность, не урезая публично важный для органов расследования временной промежуток, призванный обеспечить законное и обоснованное разрешение ходатайства о заключении под стражу.

Список источников

1. Петрова Г. Б. Сроки как элемент правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности : монография. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2006. 182 с.
2. Григорьев В. Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4 (56). С. 50–57.
3. Супрун С. В. Разграничение физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Уголовное право. 2007. № 1. С. 92–96.
4. Стародубова Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 1. С. 20–24. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-1-20-24>.
5. Овчинникова Н. О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 241–247. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-5-241-247>.
6. Десятова О. В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 73–80.
7. Шадрин В. С. Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 151–160. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.19>.
8. Победкин А. В., Яшин В. Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 16–24.
9. Барабаш А. С., Ретюньских И. А. О некоторых проблемах исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 404–406. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_404.
10. Азаренок Н. В., Давлетов А. А. С какого момента следует исчислять срок задержания подозреваемого? // Российский следователь. 2018. № 5. С. 8–11.
11. Гапонова В. Н. К вопросу о задержании в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 132–141. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2022.10.25.011>.
12. Гриценко Т. В. Проблемные вопросы исчисления срока задержания подозреваемого // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 37–38.
13. Россинский С. Б. Неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве: о «призовом» месте России в «конкурсе» на самый короткий срок ограничения свободы без решения суда // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 97–105. <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.12>.
14. Григорьев В. Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1409–1414.
15. Соболев И. В. Проблемы исчисления сроков задержания и содержания под стражей по уголовному делу // Закон и право. 2008. № 3. С. 81–82.
16. Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1 (88). С. 5–11. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2023-188-5-11>.
17. Кальницкий В. В. О наименовании и так называемом неотложном характере задержания подозреваемого // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова, г. Омск, 16 февраля 2024 г. Омск : Омская академия МВД России, 2024. С. 155–160.